

Рождение ребенка — дело деликатное, и Цю Хэнянь решил, что его участие будет лишним, поэтому он не пошел. Вместо этого он взял корзину с яйцами и, не поленившись, пересчитал их: оказалось, что их ровно пятьдесят три. Дарить нечетное число — плохая примета, поэтому Цин Янь выложил три яйца и отправился с пятьюдесятью.

Тетя Ли уже ждала его у ворот. Они вместе отправились в дом старшего Лю.

Зайдя в дом, они увидели, как несколько женщин, под руководством акушерки, суетились: одни грели воду, другие варили суп. Жена Лю Фа, заметив гостей, поспешила их встретить и пригласить присесть во внешней комнате. Она сказала:

— Лю Фа с Лю Цаем только что вышли — отвозят старого доктора обратно в деревню. Инлань сейчас в комнате с ребенком. Вы пока присядьте, попейте горячей воды, согрейтесь с дороги. А потом зайдете, посмотрите на них. — она смущенно улыбнулась и добавила, — Доктор предупредил, что ребенок родился раньше срока, поэтому его ни в коем случае нельзя простужать.

Тетя Ли и Цин Янь передали ей свои подарки. Тетя Ли успокаивающе сказала:

— Невестка Лю, не переживай. Если неудобно смотреть ребенка, ничего страшного, мы можем помочь по хозяйству. Когда окрепнет, тогда и принесете его, чтобы мы могли посмотреть.

Цин Янь кивнул, добавив:

— Верно. Мы никуда не торопимся. Когда будет удобно, тогда и посмотрим.

Жена Лю Фа махнула рукой, понизив голос, и нахмурилась:

— В нашей деревне у Инланя, кроме нашей семьи, почти нет близких. Он только с вами обычно разговаривает. Вы бы помогли его поддержать. Скоро Лю Фа и его брат привезут его родителей, а я боюсь, что Инлань, если в душе затаил обиду, начнет плакать. А в первый месяц после родов нельзя волноваться — это может оставить болезни.

Тетя Ли посмотрела на Цин Яня и спросила:

— Что же случилось? Почему Инлань обижен?

Жена Лю Фа еще больше понизила голос, ее лицо стало еще мрачнее.

— Это все из-за нашей никчемной родни. У Инланя последние месяцы беременности были непростыми. Только благодаря настояям доктора ему стало лучше. Чтобы ничего не случилось, он в последние дни почти не выходил из дома. Все время занимался тем, что готовил малышу

одежду и обувь. Мы специально отправили Лю Цая в город за мягкой хлопковой тканью и хорошим хлопком, чтобы сделать ребенку два одеяла. Также купили маленький тазик, полотенца и прочие необходимые вещи — все самое лучшее, денег потратили немало.

- Та семья Лю Юфу из четырех человек то и дело навевается к нам домой. Причем каждый раз приходят аккурат к обеду, когда еда уже на столе. Не спрашивая, хватит ли еды для всех, садятся и начинают есть. Ну, едят и ладно, я чаще всего просто варю еще одну кастрюлю супа, чтобы всех накормить. Но они не только едят, но и забирают с собой все, что под руку попадет. Раньше хоть спрашивали, можно ли взять что-нибудь, а потом, привыкнув, и этого перестали делать. Если у нас дома чего-то вдруг становится меньше, то стоит только зайти к ним через несколько дней — обязательно обнаружишь это у них.

Жена Лю Фа сделала глоток воды, тяжело вздохнула и продолжила:

- На днях случилось совсем безобразие. Инлань сложил все вещи для ребенка на кане в своей комнате, собирался снять мерки и начать шить одеяла. Но стоило ему на время выйти из комнаты, чтобы поесть, как, вернувшись, он обнаружил, что все вещи исчезли.

Инлань в панике прибежал ко мне, и тут я вспомнила, что в тот день приходила Чжан Цзюй. Она зашла, увидела, что накрыт стол, но ничего не поела и сразу ушла. Видимо, она заранее приметилла вещи, которые Инлань купил для ребенка.

Услышав это, тетя Ли и Цин Янь обменялись удивленными взглядами, не скрывая своего потрясения.

Цин Янь спросил:

— А вы уверены, что это она взяла?

Жена Лю Фа кивнула:

— Лю Цай сразу же отправился к ним домой. Зайдя, он услышал, как Чжан Цзюй сначала все отрицала, но тут он заметил хлопковую вату, валяющуюся на полу в их комнате. Когда скрывать стало бессмысленно, она села на пол, разрыдалась и закатила скандал. Кричала, что их семья в свое время так много сделала для нас, а мы теперь за какие-то куски ткани и несколько катти хлопка ей покоя не даем.

Лю Цай хотел устроить разборку, но Лю Фа догнал его и, боясь, что дело выйдет за пределы дома, буквально силой его утащил. Инлань после этого от обиды расплакался, а я подумала, что нужно возместить ему потраченные деньги. Но он не согласился. В ту же ночь ему стало плохо, живот снова начал болеть, лекарства перестали помогать, а сегодня в обед у него отошли воды, и вот он родил.

Тетя Ли тяжело вздохнула:

— Ну и люди... Хорошо, хоть все закончилось благополучно.

Спустя некоторое время жена Лю Фа решила, что можно заходить, аккуратно зашла в комнату и предупредила Ци Инлань, что они хотят навестить его. Получив согласие, она пригласила их войти.

Цин Янь впервые видел только что родившегося ребенка и был совершенно не готов к тому, каким он окажется. Его взгляд сразу упал на малыша. Лицо крошечного младенца было сморщенным и необычайно маленьким, глаза еще не открылись. Из-за преждевременных родов ребенок выглядел особенно хрупким и худым, а кожа все еще была красной.

Ци Инлань, чья голова была плотно укутана платком, увидев гостей, приподнялся и пригласил их присесть на край кана. Тетя Ли тут же бросилась к нему, помогая лечь обратно.

Цин Янь внимательно посмотрел на его лицо и сказал:

— У тебя неплохой цвет лица.

Ци Инлань слабо улыбнулся и ответил:

— Этот малыш весит всего чуть больше пяти цзиней. Он так торопился появиться на свет, что сильно меня не измучил.

Тетя Ли спросила:

— Имя уже придумали?

Ци Инлань ответил:

— Большое имя пока не выбрали, а вот детское я придумал: назвал его Чжуан-Чжуан (Крепыш).

Тетя Ли склонилась к малышу и ласково сказала:

— Чжуан-Чжуан, ты кушай побольше, расти скорее крепким и здоровым, чтобы не доставлять папе лишних волнений.

На удивление, малыш, будто понимая ее слова, издал пару слабых звуков. Услышав его голосок, Ци Инлань сразу стал мягче, наклонился и поцеловал малыша в его красное и

морщинистое личико.

Тетя Ли и Цин Янь немного поговорили с Ци Инланем, не забыв при этом выполнить просьбу жены Лю Фа — попытались поддержать его и отвлечь от неприятностей.

Когда разговор зашел о произошедшем, Ци Инлань заметно разволновался, но, глядя на ребенка, быстро успокоился. Он нежно прижался щекой к его крохотному лобику и сказал:

— Я больше не буду злиться из-за них. Для меня главное, чтобы Чжуан-Чжуан был здоров и счастлив, а все остальное не имеет значения.

На обратном пути тетя Ли тяжело вздохнула и сказала:

— Ци Инлань — человек с добрым сердцем, готов закрыть глаза на проступки, чтобы сохранить достоинство семьи Лю. Если бы на его месте был кто-то более решительный, история с Чжан Цзюй наверняка закончилась бы скандалом. Эти люди ведут себя просто отвратительно!

Цин Янь ответил:

— Да, они перешли все границы.

В душе он подумал о деле Лю Сяна, о котором никому не рассказал. Если бы тетушка Ли узнала об этом, ее возмущение было бы еще сильнее.

Когда они вернулись домой, Цю Хэнянь как раз менял оконную бумагу. Зима была на подходе, и для защиты от холода требовалось наложить под новый слой оконной бумаги слой плотной хлопковой ткани, а затем наклеить все целиком. Края окон нужно было тщательно проклеить льняной лентой, а потом покрыть слой масляного лака из тунгового дерева, чтобы работа была завершена.

Цин Янь, увидев, что Цю Хэнянь занят, зашел в дом, переоделся и вышел, чтобы помочь.

Цю Хэнянь спросил:

— Как там у них дела?

Цин Янь ответил:

— Когда я уходил, Лю Цай уже привез тестя с тещей. Старики решили остаться в доме семьи Лю на несколько дней, чтобы помочь Инланю с ребенком.

Цю Хэнянь кивнул и заметил:

— Родные родители всегда заботятся лучше других.

После паузы он добавил:

— А ребенок на кого похож?

Цин Янь на мгновение задумался, а затем сказал:

— Пока трудно сказать. Но, когда мы были там, он вдруг заплакал. Инлань сказал, что малыш проголодался, и начал кормить его овечьим молоком из маленькой ложечки. Знаешь, с каким рвением он пил? Прямо как Лю Цай — такой же решительный и энергичный в своих действиях.

На этом разговор прервался, и оба погрузились в работу. Некоторое время они молча трудились, пока Цин Янь не заметил, что Цю Хэнянь пристально смотрит на него.

Цин Янь поднял руку и потрогал свое лицо:

— Что-то не так? У меня на лице что-то есть?

Цю Хэнянь покачал головой, на его губах появилась мягкая улыбка:

— Я подумал, что если у нас будет ребенок, он обязательно должен быть похож на тебя.

С тех пор, как они договорились, что все будет идти своим чередом, Цин Янь начал постепенно отпускать свои переживания по поводу рождения детей. Услышав эти слова, он не испугался, а скорее удивился и с улыбкой спросил:

— Почему это на меня?

Цю Хэнянь посмотрел ему прямо в глаза и тихо сказал:

— Потому что ты красивый.

Щеки Цин Яня слегка порозовели, он улыбнулся, опустил голову и ничего не ответил.

...

Когда они закончили оклеивать окна, можно было сказать, что вся годовая работа в обычной деревенской семье наконец завершена. Наконец-то наступило время для отдыха.

Большинство деревенских жителей теперь проводили дни, собираясь группами, чтобы выпить и поиграть в карты.

Но кузница Цю Хэнянь не могла позволить себе остановиться. Под конец года появлялось много заказов: требовалось ковать железные котлы, половники, а также ножницы и кухонные ножи. Кроме того, надо было закрыть все неоплаченные счета.

Цин Янь тоже не отдыхал. Воспользовавшись предпраздничной оживленностью на рынке, он и У Цюнянь непрерывно держали свой прилавок в течение нескольких дней.

Зимой торговать на улице было особенно тяжело, но и доходы того стоили.

Каждый вечер, когда только начинало темнеть, Цю Хэнянь с Ван Саньяо приходили помочь им собирать прилавок. Две семьи вместе возвращались домой. По дороге становилось все темнее, а к тому времени, как они доходили до дома, уже наступала полная тьма. Но усталости не ощущалось — все были полны энергии.

Только после праздника Лаба Цин Янь смог передохнуть. К тому времени Цю Хэнянь почти собрал все долги по своим счетам, и они вдвоем отправились в город, чтобы отнести сбережения в банк. Основные расходы в этом году, помимо повседневных нужд, были связаны с улучшением тридцати му их пахотной земли, а также с различными обязательными социальными тратами. Расходы на закупку материалов для кузницы и на товары для прилавка Цин Янь не включали в общий подсчет — это были инвестиции в бизнес.

Конечно, их траты были выше, чем у обычных деревенских семей. Не многие могли позволить себе каждый день есть мясо или носить такие качественную одежду. Но благодаря своему труду и предприимчивости, они не имели других значительных расходов, и их сбережения постепенно росли.

В этом году они завершили работу раньше обычного, и кузница закрылась на неделю раньше, чем в прошлом году. В последний рабочий день Цю Хэнянь вернулся домой, осторожно держа в руках узелок.

Как только он вошел, Цин Янь услышал тонкий звук «мяу». Сначала он подумал, что ослышался, но, увидев улыбку Цю Хэняня, понял, что это не так. Когда тот развернул узелок, внутри оказалась маленькая полосатая кошечка, на вид всего пару месяцев от роду.

Цин Янь, полный восторга, тут же взял котенка на руки. Маленький зверек с дрожащей головой поднял взгляд на него и жалобно мяукнул, от чего у Цин Яня буквально растаяло сердце.

— Сяо Чжуан нашел ее под мостом. Мать-кошка уже умерла, а эта малышка была единственной выжившей. Я решил ее забрать, — пояснил Цю Хэнянь.

Весь вечер Цин Янь не отходил от котенка. То он кормил его рисовой кашей, то давал мелко нарезанное куриное мясо. Опасаясь, что котенку будет холодно на полу, он соорудил ему мягкий уголок из подушечки, который поставил рядом со своей подушкой на кровати.

После того, как Цю Хэнянь лег в постель и посмотрел на уютно устроившегося котенка, его взгляд стал немного сложным.

Цин Янь лежал на боку, отвернувшись от него, и играл с малышом.

Цю Хэнянь прочистил горло и окликнул его:

— Цин Янь.

— Мм? — отозвался тот, но головы не повернул.

Цю Хэнянь тяжело вздохнул и снова позвал:

— Цин Янь.

Тот наконец обернулся с улыбкой:

— Что случилось?

Цю Хэнянь, глядя на него, осторожно спросил:

— Можно ли на время перенести котенка в соседнюю комнату? Там кровать тоже теплая.

Цин Янь задумался на мгновение и сказал:

- Это хорошо, но я боюсь, что он еще не приспособился к нашему новому дому. Как насчет того, чтобы оставить его на кровати в этой комнате еще на несколько дней?

Цю Хэнянь, улыбаясь, прикрыл рукой лоб, а затем, убрав ее, наклонился ближе, упираясь руками в край кровати, и посмотрел на Цин Яня с особой сосредоточенностью:

— Давай так: сначала отнесем его в другую комнату, а позже я снова его сюда принесу. Хорошо?

Цин Янь моргнул, немного растерявшись:

— Зачем?

Цю Хэнянь посмотрел на него, кадык у него едва заметно дернулся, а голос стал ниже:

— Потому что... я не хочу, чтобы он видел то, что я собираюсь делать.

В этот момент мысли Цин Яня, всецело занятые заботой о котенке, наконец, переключились, и он понял, что имел в виду Цю Хэнянь. Он поднял взгляд, его красивые глаза начали блестеть от осознания, а на щеках проступил легкий румянец.

Котенка отнесли в соседнюю комнату. Когда Цю Хэнянь вернулся, Цин Янь увидел, как тот медленно моет руки у тазика. Его длинные и сильные пальцы двигались размеренно, подчеркивая каждую линию. На тыльной стороне ладоней виднелись тонкие вены, которые при движении становились особенно заметными. Ногти у него были аккуратно подстрижены, ровные и чистые.

Цю Хэнянь вернулся на кровать и, опустив полог, лег рядом с Цин Янем. Когда его руки коснулись Цин Яня, тот вздрогнул от прохлады его кожи. Цю Хэнянь склонился и мягко поцеловал его в губы.

Звуки за тонкой тканью полога стихли на мгновение, но вскоре послышался его низкий, успокаивающий голос:

— Не торопись, все постепенно.

Цин Янь не мог больше выносить его ласки, и он наконец понял, почему муж только что так тщательно мыл руки...

Он опустился на колени, опираясь на кровать, и уткнулся лицом в подушку. Прежде чем что-либо успело произойти, словно в прошлый раз, его сознание на мгновение погрузилось в пустоту, а затем... это произошло снова.